

В. Л. ВЕРЕНИЧ

О НЕКОТОРЫХ ЛИТУАНИЗМАХ В ПОЛЬСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ

Исходным материалом для данной публикации послужила лексика двух польских периферийных говоров в Тракайском (д. Палукне, Мацели) и Швенчёнском (д. Прены, Андрукьянцы, Вебли) районах Литовской ССР¹. Жители названных селений считают себя поляками, хотя этноязыковые данные свидетельствуют о том, что оба говора возникли на литовском субстрате. Причем в первом случае имел место непосредственный переход литовцев на польский язык, а во втором — процессу полонизации предшествовала относительно продолжительная стадия белорусизации литовского в прошлом населения². Литуанизмы субстратного происхождения проявляются здесь на всех уровнях языка. Обильнее всего они представлены в лексике, а в микротопонимии составляют до 75 % наименований.

Путем фронтального просмотра всей лексики выделено 78 слов литовского происхождения (2,3 %). В большинстве своем они известны уже по работам других исследователей. Поэтому здесь мы ограничиваемся рассмотрением лишь тех 24 лексем, которые не отмечены „Словарем балтизмов в славянских языках“ Ю. А. Лаучюте. Там, где это возможно, приведены аналоги из белорусских народных говоров с указанием их локализации. Каждая словарная статья заканчивается ссылкой на предполагаемый литовский источник заимствования. Рассматриваемые слова делим условно на три группы.

1. Слова с прозрачной литовской этимологией и без славянских аналогов:

z'aŝra — польск. 'блюдо из тертого картофеля, начиненного в свиные кишки и запеченного на противне или сковородке'; белор. *дз'яшар*, *дз'яшра*, *дз'яшары*, *дз'яшры* 1. 'колбаса, начиненная кровью, крупами либо картофельной кашей

¹ Обследование проводилось в 1968 и 1974 гг. по программе Kwestionariusz do badań słownictwa ludowego / Red. W. Doroszewski. Wrocław etc., 1958. Zesz. 1—4. Материалы хранятся в картотеке польских говоров в СССР (Минск, Институт языкознания АН БССР).

² См.: Веренич В. Л. Польские говоры в Швенчёнском районе Литовской ССР // Studia nad polszczyzną kresową. Wrocław etc., 1982. Т. 2. S. 25—29; его же. Тексты из Швенчёнского района // Studia nad polszczyzną kresową. S. 139—150.

и запеченная в печи', 2. 'толстая кишка' Швенч., *dzjasharnyja kishki* 'толстые кишки' Брасл. (СБГ 2, 74); ≤ = лит. *dešrà* 'колбаса'.

G'ad'ory, g'ə^aduk'i / *s'p'av'ak'i, s'p'əv'acy* — польск. 'певчие, отпевающие покойников на дому и в костеле; певчие церковные вообще'; бел. *гяду́кі, гядо́ры* / *сьпява́кі* 'тж.' д. Кемелишки Остров. (собственная информация автора); ≤ = лит. *giedóti* 'петь', *giedótojas* 'певчий в церковном хоре', *giedōrius* 'тж.' (LKŽ, III, 287).

Grud'oły, grud'olk'i — польск. 'конопля, матерки'; белор. *грудо́лкі* 'тж.' Трак. (СБГ, 1, 485); ≤ = лит. *grūdė* 'тж.', *grūdas* 'зерно', *grūdėlis* 'зернышко' (Lyb. 199).

Kam'en'ulk'i — польск. 'дикие лесные пчелы'; белор. *камяня* 'пасека' Ст. Дор. (СБГ, 2, 393); ≤ = лит. *kamanines bitės, kamānės* 'дикие лесные пчелы', *kamienas* 'ствол (дерева); борть' (LKŽ, V, 168). Лексема *kamānė* 'дикая пчела' образована от *kamienas* 'ствол дерева' таким же способом, как *samānė* 'шмель' — от *sāmāna* 'мох', *samanūnas* 'моховое болото', т.е. по месту обитания.

Kam'en'ulka / *bojka* — польск. 'слепень, *Tabanus bovinus*'. Перенос названия по внешнему сходству: *kam'en'ulka* 'дикая лесная пчела' = ≥ *kam'eń'ulka* 'слепень'; ≤ = лит. *kamānė, kamanė*, 1. 'дикая пчела', 2. 'шмель' (LKŽ, V, 168). Семантическому сдвигу могла способствовать многозначность лексемы *baqk* в польском языке: 1. 'слепень, *Tabanus L.*' 2. разг. 'овод, шершень, шмель' (WSPR).

Kr'ejc'i — польск. 'приданое невесты (мебель, постель, одежда, лен)' Трак., Вильн. (СПК, III, 173); ≤ = лит. *kraitis* 'приданое'.

Łałowńik'i — польск. 'те, что ходят с *лялю́ем* и поют под окнами на пасху'. Лексему *łalownik* 'один из сельских певцов, обходящих более зажиточные дома во второй день пасхи на Виленщине' приводит Карлович с пометой "ust. z. Litwy" (SGP Kar., III, 63); белор. *лалоўнікі, лалыўнікі, волоўнікі* 'тж.' Швенч., Игнал., Постав. р-ны (СБГ, 2, 613). Однако на основной белорусской языковой территории употребляется в этом значении лексема *валачо́бнікі* 'славельщики, песенники, которые ходят на пасху по сёлам и поют песни, соответствующие празднику, славят хозяев и т.п.' (Касп., 51; Сцяш., 72; Нас., 65; СБГ, 1, 273; ТСБМ, 1, 456); ≤ = лит. *lalūniūkās, lalaunūkas* 'тж.' Вар., Эйш., Брасл., Игн., Дауг. р-ны (LKŽ, VII, 104).

Łałymk'i — польск. 'обрядовые пасхальные песни нерелигиозного содержания'. Говоря об исполнении этих песен сельскими певцами — *лаловніками* на Виленщине, Я. Карлович добавляет: *mówią o nich, że łalują* 'говорят о них, что они лалуют (т.е. исполняют лалымки. — В. Л. В.)'. Ср. *pieć łalom* 'петь лалымку' (SGP Kar., III, 63). СБГ, т. 2 не фиксирует этой лексемы, хотя, по нашим наблюдениям, она известна как в польских, так и в белорусских

говорах зоны балто-славянского пограничья. ≤ = лит. *lalimka, lalinka, lalavimo daina*, 'тж.', *laláuti* 'петь лалымки' Лазд., Алит. Варен., Игнал., Брасл., Дауг. р-ны *lalėti* 1. 'шуметь, галдеть, гомонить'; 2. 'идти (ехать) с шумом и гамом' (LKŽ, VIII, 104–105). При наличии в литовском всех исходных форм, в том числе и глагольных, языковая принадлежность рассматриваемых лексем сомнений не вызывает. Польские формы с *-l-* вместо предполагаемого *-l-*, а также выражение *pieć lałom* — с ударением на последнем слоге и глаголом *pieć* вместо *śpiewać* (ср. белор. *пець, піяць* в Миор., Брасл., Пост., Остр. и других районах северной, центральной и восточной Белоруссии, ДАБМ, к. 316) — свидетельствуют о белорусском посредничестве в распространении форм *lał'ymk'i, lał'owń'ik'i, lał'ovac', p'ec' lał'om* среди носителей польского периферийного диалекта на Виленщине. Доказательством неисконности этих слов в белорусских говорах является их локализация, неоднородность зафиксированных вариантов и отсутствие глагольной формы. Обращает на себя внимание ареал распространения, ограниченный юго-восточными районами Литвы, сопредельными с ними районами Белоруссии и Даугавпилским районом Латвии. Следовательно, речь может идти о совместной литовско-белорусско-польской инновации.

II. Слова с недостаточно ясной литовской этимологией и возможными славянскими аналогами:

В'арк'і — польск. 'снопики из мятой соломы, используемые для покрытия крыши'; белор. *bábka* 'пучок связанной соломы' Ворон., Вил. р-ны (СБГ, 1, 165), 'скатанная из покоса в кучку гречиха' (Нас. 10); ≤ = лит. *bóba* 'большой сноп еще не обмолоченного хлеба; сноп, связанный из сгребок', *bābyti, pribābyti* 'молотить, обмолачивать (хлеб)', *babsėti (kūltuvu)* 'колотить (цепом)'. Образовано по такой же модели, как *kūlyš* 'связка, сноп длинной соломы' и *kūlti* 'молотить хлебные злаки' (LKŽ, 1, 538, 649; Lyb. 842, 622)³.

С'ушка, с'ушка / pšær'embla — польск. 'прорубь во льду'. В белорусских и других польских говорах не засвидетельствовано. ≤ = Лит. *čiõžti* 'бить, хлестать, стегать'; *čiuožke važiuoti* 'обычай ездить на санях во время масленицы, чтобы хорошо рос лен' — неясно (Lyb., 129; LKŽ, I, 110). Польск. *с'ушка / с'ушка* 'прорубь' восходит, вероятно, к лит. *čiõžti* 'бить' по такой же семантической модели, как польск. *przerębel* к *(prze)rać*, рус. *прорубь* к *(про)рубить*, лит. *ištranka* 'прорубь', к *ištrankyti* 'выбить'. Формальная структура слова образована по беспрефиксальной, с суффиксом *-ка* модели белорусского названия

³ Более обстоятельно этот вопрос рассматривается в подготовленной для журнала „Acta Baltico-Slavica“ статье В. Л. Веренича: Сельскохозяйственные и обрядовые значения у балто-славянского *bābā* и его дериватов.

проруби: *палóнка*, диал. *апалóнка*, *пéлька*. Предположение о гибридном литовско-белорусском происхождении польск. *c'uzka/c'uška* подтверждается также заменой формы мужского рода (*przerębel*) на женскую в лексеме *pšær'embla*.

Как'ору — польск. 'лепешки, испеченные из отварного картофеля'. Со ссылкой на Словарь Козловского (1846), без указания локализации фиксирует эту лексему Карлович: *kokora* а. *wrag* 'кусок дубового дерева в форме согнутого колена, используемый при постройке барж' (SGP Kar., II, 396). Ю. Лаучюте (СБСЯ, 78) вслед за Т. Зданцевичем приводит из польских говоров в окрестностях Сейн (ПНР) лексему *kakury* 'спина (в случае, когда носят ребенка на плечах)'. Белор. *какóры*, *какóрки* мн. 'хлебцы из картофеля, муки, из пресного либо кислого теста' Трак., Швенч., Пост., Брасл., Дауг., В.-Двин. р-ны (СБГ, 2, 364–365), *какóрына* 'толстый блин из картофеля, муки' Россон., В.-Двин. р-ны (Касп., 149). Во всех остальных диалектных словарях белорусского языка лексема не засвидетельствована. ≤ = лит. *kačkòras* 'простой пирог, белый хлеб; лепешка из толченого картофеля', *kaukòras* 'толстый блин, оладья, пампушка', *kaiūkaras* 'свод варочной камеры печи либо сама варочная камера' (LKŽ, V, 95, 423, 420). Возможна перестановка слогов и наименование по сходству (бугор, кочка, гора) либо по месту изготовления (печь). В таком случае белор. *перанéчка* 'хлебец' следовало бы считать калькой, а *какóры*, *какóрки* — заимствованием из литовского.

Р'елсу — польск. 'палки либо жердки на конце крыльев невода'. В белорусских говорах этой лексемы нет, отмечены только *пéлясць*, *пéлюсі* 'выступы в деревянном корыте (для стирки), на которые ложили мыло, белье' Глуб., Черв., Пух. р-ны; *пéлюсі* 'поперечная доска, вставленная в концах челна или лодки' Пух. (СБГ, 3, 479). ≤ = лит. **peļčiai*, **pėlčius* 'распорки; остов (корзины, плетенки); раздвоенное дерево', *pėlekas* 'плавник рыбы' (LKŽ, IX, 755, 758).

Р'ерз'олк'и — 'слегка гнилые плоды дикой груши'; белор. *гнилúшки* 'лежалые груши' Черв., *гнилкі* 'плоды диких груш' Чиж. (СБГ, 1, 456), *гнилúцы* 'лежалые плоды диких груш' Стол., Лун. (материалы автора). В польских говорах Виленщины имеем дело с гибридной калькированной формой (белор. *гнилúшки* = 'пере+гнившие' х лит. *per + dūlėti*, *per + dūlti* = 'пере+тлеть', *dūlis* 'гнилушка для подкуривания пчел' (Lyb., 155) = ≥ польск. *p'erz'ołk'i*), возникшей в результате контаминации. Эту версию мы склонны принять вопреки наличию у Карловича (SGP Kar., IV, 91) лексемы *pierdołka* 'лежалый плод дикой груши, дикая груша'. Отдаленность локализации (окрестности Черска на Куявах, за Вислой), однократность фиксации и наличие в польских говорах однокорневых слов с общим значением „плохой“ (*pierdoła* 'болтун,

плохой работник', *pierdoły, pierdołki* 'сплетни; глупости, чепуха, вздор' (SJP Dor., VI, 326) свидетельствуют об occasionalном употреблении лексемы *pierdołka*, мотивированной в данном случае значением „плохая груша“, а не „гнилая груша“, как это имеет место в белорусских и польских говорах Виленщины. Форма *p'erz'olk'i*, с переходом *-d- = ≥ -z'-*) могла появиться в результате контаминации лексем *p'erđ'ólk'i* 'гнилушки' и *p'erz'ec'* 'громко испускать ветры из живота в результате метеоризма, возникающего после употребления гнилых груш'.

R'unĵkli — польск. 'кормовая свекла' (в противоположность *bur'ak'i* 'столовая красная свекла'); белор. *рўнклі* 'сахарная либо кормовая свекла' Трак. (СБГ, 4,316). Лаучюте (СБСЯ, 129) дает только рус. *рунка́ль, рўнкіль, рўнкуль, рўнкли, рўнколь* 'свекла' Пск., русские говоры Литовской ССР. ≤ = лит. *ruņkelis* 'свекла', латыш. *ruņkulis, runkuls* 'тж.' ≤ = нем. *Runkel* 'тж.'

S'm'igla — польск. 'высокая трава, растущая по берегам озер и прудов' Вильн., Трак., сравн. также SPK, III, 171; белор. *смільга́, смілга́* 'мятлик луговой, *Poa pratensis* L.' Пост., Остр. р-ны (СБГ, 4, 504). Лаучюте (СБСЯ, 72), по данным А. П. Непокупного, приводит из пограничья Латвийской и Литовской ССР лексему *смільга*, но не указывает ее значения. ≤ = лит. *smilga* 'полевица (трава), мятлик', *smilgūnė* 'полевичка', *smilguōlė* 'метлица' (Lyb., 679). Перестановка *-lg-* = ≥ *-gl-* могла возникнуть в польских говорах Виленщины в результате контаминации лит. *smilga* 'трава полевица' и польск. *śmigły* 'высокий, тонкий, стройный, гибкий' (SJP Dor., VIII, 1287–1289).

Šm'yrġ'el м. р. — польск. 'оселок, брусок для наточки косы'. У Карловича со ссылкой на Польский аптечный словарь (1880): *kamień szmyrgłowy 'lapis smirdis'* (SGP Kar., V, 309); в SJP Dor., VIII, 1134, 1137: *szmergiel, szmyrgiel* 'мелкозернистая твердая скала, применяемая в качестве наждачного материала'. Таким образом, отмеченное на Виленщине значение „брусок для наточки косы“ в прямом смысле неизвестно ни польским континентальным говорам, ни литературному языку. Белор. *шмь́ргяль* 'точило' Остр. (Сцяш., 561), *шмэ́ргель, шмэ́ргаль* 'точило, брусок' Ворон., Щуч. (СБГ, т. 5 рукоп.); ≤ = лит. *šmirgel, šmirgelis* 'брусок, оселок для наточки косы'. По устному сообщению И. Адомавичюте, лексема распространена в Жемайтии, но известна не всем говорам. ≤ Нем. *Schmergel, Schmirgel* м. р. 'наждак', *schmirgeln* 'чистить наждаком, шлифовать' (НРС, 725). При наличии прямого немецкого соответствия, прежнюю попытку автора (в тезисах доклада, 1985) объяснить польск. *šm'yrġ'el*, белор. *шмь́ргяль* литовскими *šmu(r)kšt, šmū(r)kštelėti, šmirkšlỹs* — следует признать несостоятельной. О литовском посредничестве в заимствовании из немецкого свидетельствует ареал распространения,

а также фонетическая „размытость“ белорусских форм и сохранение в них нехарактерного для данного языка взрывного *g*.

Tark'ovac' — польск. 'тереть на терке (картофель, редьку и пр.)'. Словарь польского языка, со ссылкой на SWil., относит это слово к восточным („кре-совым“) регионализмам (SJP Dog., IX, 59). Белор. *таркава́ць* (*бу́льбу*) 'тж.', ареал распространения ограничен, в основном, районами балто-славянского пограничья: Лудз., Красл., Игнал., Пост., Остр., Ворон., Сморг., Щуч., Люб. (СБГ, т. 5 рукоп.; Спяш., 495), *та́ркаць*, *та́рыць* 'тж.' Слон., Новогр. (Спяш. СГВ, 480), *та́рыць* 'тж.' Лоев. (Янк., 356). В этой же зоне встречаются эпизодически белор. *таркава́ная бу́льба* 'измельченный на терке картофель', *та́рнікі*, реже, *та́ранікі* 'оладьи из тертого картофеля' (там же). ≤ = Лит. *tarkúoti* 'тереть на терке', *tarkúotos bûlvės* 'тертый картофель' *tarkinỹs* 'мезга (натертых овощей, плодов)', *bûlvių tarkinỹs* 'картофельная мезга' (Lyb., 780). Круг лексики, производной от лит. *tárka* / белор. *та́рка*, следует считать совместной белорусско-литовской инновацией, возникшей в их контактной зоне. Косвенно на это указывает наличие в обоих языках параллельных лексико-семантических рядов: лит. *trintuvė* / *tárka*, *trinti* / *tarkúoti* белор. *дра́чка* (обл.) / *та́рка*; *дра́ць*, *це́рці* / *таркава́ць*, *та́рыць* (оба обл.). Судя по формальным признакам, лексема *tárka* / *та́рка* проникла из польского языка, где она засвидетельствована с XV в. в форме *tartka* 'глиняная миска или ступка для растирания мака, перца и т. п.' Брюкнер отмечал, что „теперь чаще употребляется средний род *tarko* из *tartko*“ (Brück., 566). Широко представлена эта лексема и в континентальных польских говорах: *tarek* 'терка'. *Utrzeć na tarku* вост. Галиция; *tarło* а. *tarełko* 'терка из продырявленной жести, на которой трут хрен, свеклу, булки' Малопольша, Великопольша; *tarko* 'деревянная ступка с пестиком для растирания перца, соли и т. п.' Малопольша; *tartka* 'тж.' сев.-вост. Мазовье; *tartuchy* а. *tartusy* 'месиво из теста: блюдо из прожаренной ржаной или гречневой муки, ошпаренной кипятком и заправленной салом' Люблинщина и другие места центральной и северо-восточной Польши. Слова *tarkować* и *tarkowany* в континентальных польских говорах не отмечены вообще (SGP Kar., V, 388). Следовательно, семантическая трансформация, возможная замена среднего рода на женский и развитие нового лексико-семантического ряда произошли уже на белорусско-литовской почве. Инспириатором этого нововведения могла быть „польщизна литэвска“. Ареал распространения и объем значений названной группы лексики полнее представлены в литовском языке.

Tрахні́ца — польск. 'мятая солома'; белор. *трахні́ца* 'потертая солома при молотье цепами' Пост. (СБГ, т. 5 рукоп.), *трахні́я* 'мелкая солома' Остр. (Спяш., 501), 'отходы от пучков прямой соломы; труха, мелкая солома' Пост.,

Глуб., Сморг., Остр. (СБГ, т. 5 рукоп.); \leq = лит. *trāknys* 'разбросанная, мятая солома; подстилка' (Lyb., 795). В синонимическом ряду *padráikos, maigai trāknys* последняя лексема не имеет прямого глагольного соответствия (разве только связь с *trakinti* 'бесить?'), что не препятствует считать лит. *trāknys* источником заимствования. К этому склоняют как смежная с литовской и ограниченная всего несколькими районами территория распространения данного слова, так и отсутствие для него аналогий в белорусском и польском языках.

Vanz'uška, vėnž'uška — польск. 'весёлка, мутовка, разветвленная на конце деревянная палочка для размешивания муки в молоке или воде'; в белорусских говорах не засвидетельствована; \leq = лит. *vanduõ* 'вода', *vandenýti, vandeniúoti* 'становиться водянистым, водянеть' (Lyb., 841).

III. Слова, имеющие аналоги в славянских языках и относимые к литуанизмам лишь на основе отдельных признаков:

Bulb'anka / kartofl'anka — польск. 'место в поле (огороде), на котором рос картофель'. Карлович, со ссылкой на SWil. и собственные наблюдения, отмечает в Литве, Белоруссии и на северо-востоке Польши в Августовском специфические для польщизны литовской лексемы: *bulba* 'картофель', *bulbowisko* 'место, где рос картофель', *bulbianka, kartoflanka* 'водка сивуха, полученная из картофеля' (SGP Kar., I, 136; II, 318). Все они не совпадают с зафиксированными нами лексемами либо по форме, либо по содержанию. Белор. *бульбянне* 'тж.' Вил., Берез. (СБГ, 1, 238); лит. *bulvíena, bulbíena* 'тж.' Отсутствие польского суффикса *-isko* (*kartoflisko, bulwisko*) и белорусских *-ишча, -иска* (*бульбянішча, бульбóвiска* и др.), замена среднего грамматического рода на женский указывают на субстратное литовское влияние. Форма *bulb'anka* могла возникнуть в результате контаминации лит. *bulbíena* и польск. *bulwisko*, где в безударном положении *-kõ* = \geq *-ka*. По этой же модели *kartoflisko* = \geq *kartofl'anka*.

K'ombel м. р. — польск. 1. 'ствол, комель дерева', 2. 'часть снопа ниже перевясла'. А. Петров и Я. Карлович, с указанием на говоры поляков Литвы и Белоруссии, фиксируют лексему *komel* 'более толстый конец срезанного дерева' (SGP Kar., II, 410). Бел. *камбэль* м. р. 1. 'то же', 2. 'то же' Гродн. (СБГ, 2, 388–389), на остальной белорусской территории известна только форма *камэль* 1. 'нижняя часть ствола дерева, до сучьев' Дятл., Лях., Бор., Город. р-ны, 2. 'часть снопа ниже перевясла' Швенч., Волож., Лаг., Щуч., Сокол., Город., Наровк., Вил. р-ны (СБГ, 2, 388–389). \leq = Лит. *kamblýs* 1. 'стебель, ствол растения (злаков, дерева)', 2. 'комель, толстый конец' (LKŽ, V, 174). Гибридные формы *k'ombel / камбэль* появились в результате литовско-белорусской контаминации. О их литовском происхождении свидетельствуют:

наличие *-б-* в основе слова, частичное сохранение прежней семантики („ствол дерева“) и территория распространения. На белорусское влияние указывают словообразовательная модель, а также семантический сдвиг, выразившийся в устранении исконного значения „стебель злаковых растений“ и обретении нового — „часть снопа ниже перевясла“.

Кр'о́нка *kr'о́нка* — польск. ‘ворон каркает’; белор. *крунка́ч* ‘ворон’ Бор., Ворон. (Гринавецкене и др., 69), Игн. (СБГ, 2, 530), *кру́нкаць* ‘квакать (о лягушках)’ Бор. (Гринавецкене и др., 69). Для основной белорусской территории характерны формы с *-м-* в основе: *крунка́ч* (*крук*, *груга́н*), *кру́мкае* ‘крячет’. ≤ = Лит. *kraĩkti* диал. вост. *kruĩkti* ‘каркать (о воронах)’, *kranklỹs* диал. вост. *krunklỹs* ‘ворон’ (LKŽ, VI, 420, 707; Гринавецкене и др., 180). Белорусский материал приводит в своем Словаре Ю. А. Лаучюте, указывая, что гибридное образование (литовский корень, белорусский суффикс) типа белор. *крунка́ч* засвидетельствовано в диалектах литовского языка: *krunkdõcius* ‘ворон’ (СБСЯ, 69). По такому же принципу образованы характерные для „польщизны виленской“ лексемы *кр'о́нка* *kr'о́нка*. Отличающее их от литовских и белорусских форм сочетание *-он-* в основе появилось в результате фонетической субституции.

Пл'а́ск'он'е, *пла́ск'он'е* — польск. ‘посконь, мужские особи конопли’. Из диалектных названий этой реалии Карлович фиксирует: *пłoskoń* а. *пłoskuń*, *пłoskun*, *пłoskuna*, *пłoskunka* — со ссылкой на SWil., а также *пłaskoń*, *пłaskuny*, *пłaskunki*, *пłaskonki*, *пłaskany* — с пометой „мужские особи конопель называют *пłoskonkami*, *пłoskunami* либо *suszkami* (повсеместно)“, SGP Kar., IV, 141; литературное польск. *пłaskuny*. Белор. *пл'о́скуні*, *пласк'о́ні*, *пласкуні*, *пласк'о́нне*, *пл'о́скуль* и др. ‘тж.’ представлены по всей территории (ДАБМ, к. 283; СБГ, 3, 529–30). ≤ = Лит. *pleiskāne*, *pléiske* ‘тж.’ (Lyb., 559). О субстратном литовском влиянии в польских говорах Виленщины свидетельствует наличие дифтонга *-ai-* в новой гибридной форме.

Тѣ^нщ, *тушч* м. р. — польск. ‘перетопленный животный жир’, *тѣ^нщ*, *šmalc* ‘перетопленный животный жир в застывшем состоянии’; польск. литерат. *tuuszcz*, *tuk*, во втором значении — *smalec*. Белор. *тлушч*, *тук*, во втором значении — *шмалец*. В приведенном материале объяснения для формы *тѣ^нщ* не находим. Вероятно, мы имеем здесь дело со сравнительно недавним литовско-польским гибридным образованием. Ср. лит. *tũkti* ‘жиреть, тучнеть’, *tankėti* (с сочетанием *-an-*) ‘густеть, становиться гуще; плотнеть, уплотняться’ (Lyb., 802, 779) и польск. *tuuszcz*, *tuk* а также *teźny*, *teźny* ‘полный, тучный’, *nie teźny* ‘нетучный’ окрестности Тыкоцина в восточном Мазовье (SGP Kar., V, 401).

В заключение отметим, что зона балто-славянского пограничья представляет собой ареальную культурную общность, характеризующуюся полиэт-

ническим составом населения и многоязычием. С учетом этой специфики и следует рассматривать применяемые нами термины: литовско-белорусско-польские инновации, гибридные образования, контаминированные формы.

Из 24 проанализированных слов к I группе отнесено 8, ко II — 11, к III — 5. По генетической принадлежности 14 из них являются литовскими (*3' ašra, g' ad' ory, grud' oły, kam' eń' ulk' i, kam' eń' ulka, kr' eįc' i, lał' owń' ik' i, lał' ymk' i, c' użka, kak' ory, p' elcy, s' m' igła, traxń' ica, vanž' uška*), 6 — литовско-белорусскими (*b' apk' i, p' erž' olk' i, bulb' ańka, k' ombel, kr' ońkač kr' ońka, plajsk' ońe*), 2 — немецкими, проникшими через посредство литовского языка (*r' uńkl' i, šm' yrg' el*), 1 — литовско-польским (*tęńšč*) и 1 — литовско-белорусско-польским (*tark' ovac'*). Пять раз лексемы литовского происхождения отмечены в качестве дублетов к польским (реже, и к белорусским) словам, гораздо чаще они употребляются в специальном значении (15 случаев). Втрое больше литуанизмов зафиксировано в говоре д. Палукни и Мацели, население которых колонизировалось без стадии белорусизации. Здесь же сконцентрированы все регионализмы (8), не встречающиеся на остальной языковой территории. Из 16 других лексем, засвидетельствованных в польских говорах Виленщины, 14 представлены также в литовских и белорусских говорах, а 2 — только в польских и литовских. Большинство белорусских соответствий сконцентрировано в северо-западных районах БССР и лишь некоторые из них (*бáбкі, камяня, таркаваць*) проникают кое-где вглубь республики.

Этнолингвистические данные и ареал распространения большинства представленных здесь слов свидетельствуют об их субстратном восточно-балтийском, чаще всего литовском, характере. На примере рассмотренной группы лексики отчетливо прослеживается процесс взаимодействия литовского, белорусского и польского языков в области фонетики, словообразования, морфологии и семантики. Наиболее заметно результаты этого взаимодействия проявляются в польских периферийных говорах Виленщины.

SOME LITHUANISMS IN THE POLISH AND BYELORUSSIAN DIALECTS

Summary

As a result of the analysis of the wordstock of two Polish dialects in Trakai and Švenčionys districts of the Lithuanian SSR 78 words of the Lithuanian origin are singled out, 24 of which are not mentioned in the "Dictionary of Baltisms in the Slavic Languages" by J. Laučiūtė (1982). A separate article is dedicated to each lexeme and possible Byelorussian parallelisms, a Lithuanian source being pointed out. The analysed vocabulary is conditionally divided into three groups: (1) words with obvious Lithuanian etymology and without Slavic analogs (*3' ašra, g' ad' ory/g' ad' uk' i, grud' oły, kam' eń' ulk' i, kam' eń' ulka/bońk, kr' eįci, lał' owń' ik' i, lał' ymk' i*); (2) words with

insufficient Lithuanian etymology and possible Slavic analogs (*b'apk'i, c'užka, kak'ory, p'elcy, p'erz'olk'i, r'uņkli, s'm'igla, šm'yrġ'el, tark'ovac', traxn'ica, vanz'uška*); (3) words having analogs in the Slavic languages and considered Lithuanisms only according to some characteristics (*bul-b'aņka, k'ombel, kr'oņkač kr'oņka, plaišk'oņe, te'nšć*).

СОКРАЩЕНИЯ

- Brück. — Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.
- WSPR — Hessen D., Stypuła R. Wielki słownik polsko-rosyjski. Warszawa; Moskwa, 1967.
- Грин. — Гринавяцкене Э., Мацкевич Ю. Ф., Романович Е. М., Чеберук Е. И. Бытовая лексика литовского происхождения в Западной Белоруссии // LKK. 1975. Т. 16. Р. 163–195.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.
- Касп. — Каспяровіч М. І. Віцебскі краёвы слоўнік (матар'ялы). Віцебск, 1927.
- Лyb. — Lyberis A. Lietuvių—rusų kalbų žodynas. Vilnius, 1971.
- Нас. — Насовіч І. І. Слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1983.
- НРС — Немецко-русский словарь / Под ред. Лепинга А. А., Страховой Н. П. М., 1976.
- СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: 5 Т. Мінск, 1979–1986.
- СБСЯ — Лаучюте Ю. А. Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982.
- SWil. — Orgelbrand M. Słownik języka polskiego. Wilno, 1861. Т. 1–2.
- SGP Karl — Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1900–1911. Т. 1–6.
- SJP Dor. — Słownik języka polskiego / Red. nacz. W. Doroszewski. Warszawa, 1958–1969. 1–11.
- SPK — Studia nad polszczyzną kresową. Wrocław i in., 1984. Т. 3. S. 169–175.
- Сцяш. — Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці Мінск, 1972.
- Сцяш. СГВ — Сцяшковіч Т. Ф. Слоўнік Гродзенскай вобласці. Мінск, 1983.
- ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 1.–5: Мінск, 1977–1984.
- Янк. — Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск, 1982.
- Алит. — Алитусский район Литовской ССР.
- Брасл. — Браславский район Витебской области БССР.
- Вар. — Варенский район Литовской ССР.
- В.Дв. — Верхнедвинский район Витебской области БССР.
- Вил. — Вилейский район Минской области БССР.
- Вильн. — Вильнюсский район Литовской ССР.
- Ворон. — Вороновский район Гродненской области БССР.
- Глуб. — Глубокский район Витебской области БССР.
- Гродн. — Гродненский район Гродненской области БССР.
- Даугав. — Даугавпилсский район Латвийской ССР.
- Игн. — Игналинский район Литовской ССР.
- Кар. — Кареличский район Гродненской области БССР.
- Красл. — Краславский район Латвийской ССР.

- Лазд. — Лаздийский район Литовской ССР.
- Лоев. — Лоевский район Гомельской области БССР.
- Лудз. — Лудзенский район Латвийской ССР.
- Люб. — Любанский район Минской области БССР.
- Миор. — Миорский район Витебской области БССР.
- Наровк. — Наровковская гмина Белостокского воеводства ПНР.
- Новогр. — Новогрудский район Гродненской области БССР.
- Остр. — Островецкий район Гродненской области БССР.
- Пост. — Постаковский район Витебской области БССР.
- Пск. — Псковская область РСФСР.
- Пух. — Пуховичский район Минской области БССР.
- Росс. — Россонский район Витебской области БССР.
- Слон. — Слонимский район Гродненской области БССР.
- Смор. — Сморгонский район Гродненской области БССР.
- Сокол. — Соколковская гмина Белостокского воеводства ПНР.
- Ст.Дор. — Стародорожский район Минской области БССР.
- Трак. — Тракайский район Литовской ССР.
- Черв. — Червенский район Минской области БССР.
- Чиж. — Чижевская гмина Белостокского воеводства ПНР.
- Швенч. — Швенчёнский район Литовской ССР.
- Щуч. — Щучинский район Гродненской области БССР.
- Эйш. — Эйшишкский (теперь Шальчининкский) район Литовской ССР.